

**Катафалк
дальнего следования**

ПОВЕСТЬ

Глава 1

Свинцовая снежная бескрайность с каждым метром сгушалась, наливалась непроглядным мраком. Если бы не тусклый фонарь железнодорожного перегона, что, качаясь от ветра, выхватывал то железные бока вагонов, то черную геометрию шпал, то казалось бы, будто поезд замер в мертвой пустыне. Без жизни и без границ.

«Как в космосе», — Лев Гуров одновременно восхитился и ужаснулся. А ведь в детстве он мечтал стать космонавтом, тогда все советские мальчишки бредили ракетами и выходом на земную орбиту. Хорошо, что стал опером здесь, на земле, а то болтался бы сейчас вот в таком жутком местечке — ледяном и бесконечном.

Лев Иванович, облегченно вздохнув, оторвался от окна вагона и оглядел уютное купе: мягкий свет ночника, напарница, следовательно по особо важным делам, Лена Ванина, дремлет под белой простыней, отсыпаясь после тяжелой командировки. На столике замерли два стакана в фирменных подстаканниках и с недопитым чаем. И ему неплохо бы уже на боковую. Завтра Москва, родной отдел — бывший Московский уголовный розыск, а в современной реальности Главное управление уголовного розыска Министерства внутренних дел России. На утренней планерке предоставление отчета генералу Орлову о проведенном расследовании в выездной командировке и уже потом неофициальный рассказ о служебной поездке коллеге, соседу по кабинету и другу, Станиславу Крячко. Привычная многолетняя работа старшего оперуполномоченного по особо важным де-

лам, где тяжкие преступления, такие как убийства, торговля людьми, сложные мошеннические схемы, стали обыденностью. Бывшие коллеги уже давно получили чины и должности посолоннее, осели в личных кабинетах на управляющих должностях, но Лев Иванович от таких предложений отказывался. Нравилась ему оперативная работа. Распутывать преступление, шаг за шагом складывать из отдельных фактов картинку, пока она не сложится в четкую схему — преступник, орудие преступления, жертва, мотив, место преступления.

В дальней командировке далеко за пределами Московской области он помог своим менее опытным коллегам сложить такой пазл. И сейчас возвращался назад в отдельном купе, которое с великим трудом смогла заказать секретарь генерала. Билетов до Москвы с каждой минутой становилось все меньше, жители России штурмовали столицу перед новогодними каникулами.

Лев Иванович сладко потянулся, поправил казенную подушку и уже почти опустил на нее голову, чтобы наконец заснуть, но вдруг через опущенные ресницы в темноте за стеклом он увидел такое, от чего сон вмиг слетел с него. В темноте качалась крупная округлая фигура, женщина застыла на секунду, стаскивая с себя теплую кофту. Мелькнуло белое оплывшее тело, нижнее белье. И тут же поезд дернулся, ночной полустанок поплыл в сторону, а вместе с ним силуэт грузной обнаженной женщины. Лев Иванович прижался к стеклу, пытаясь рассмотреть детали увиденного, но состав уже набирал скорость. Чернота за окном слилась в глухую темную полосу с редкими белесыми прорехами не то сугробов, не то просветов между деревьями.

Гуров надел спортивную кофту и вышел в коридор. Вагон размеренно покачивался в такт движению все ускоряющегося состава. Было темно, узкий и длинный коридор с одинаковыми дверями купе подсвечивался лишь бледной лампой рядом с туалетом. Он зашагал в противоположную сторону, принаравливаясь к небольшой качке, туда, где находилась приоткрытая дверь служебного купе. В этот момент проводница вдруг вынырнула, но не из служебно-

го купе, а из соседнего, что располагалось через стенку от купе Гурова.

— Простите, я хотел сказать, что видел что-то странное за окном. Там на улице, кажется, женщина. Она...

Договорить он не успел, застывшая в проеме женская изящная фигурка в синей форме, вскрикнув, рухнула назад в темное пространство купе.

Лев не бросился следом. Это только в фильмах полицейские кидаются сломя голову навстречу опасности. Но не опытный оперативник. Нырять в темноту, не зная, что ждет за дверью купе, глупо. Даже один случайный удар кулаком или, не дай бог, кухонным ножом может забрать жизнь, уж он-то насмотрелся за свою жизнь нелепых, шальных смертей. Возможные риски оперативный работник должен уметь просчитывать перед любым действием, которое собирается совершить, иначе никак нельзя на такой опасной работе, где твои «клиенты» — преступники и их жертвы.

Лев Иванович внутренне напрягся, мышцы напряглись в ожидании удара, кисти сжались в кулаки. Мозг молниеносно просчитывал варианты: в свое купе возвращаться за служебным оружием долго, да и опасно открывать пальбу в тесном пространстве; будет разумнее для начала понять, что происходит в купе номер 3, хотя бы в общих чертах. Он прислушался: за тонкой перегородкой явно кто-то возился и раздавались два голоса. Низкий трубный и высокий девичий. Гуров никак не мог разобрать, что бубнит мужчина, лишь услышал короткий резкий окрик проводницы:

— Да отстань от меня, придурок. Не прикасайся, убери руки!

Оперативник медленно носком кроссовки сдвинул плавающее полотно тяжелой двери в сторону, чтобы тусклый свет осветил маленькое пространство купе. Худенькая девушка в форме проводника пыталась сбросить руку высокого седого толстяка, огромная туша которого нависла над ней. Лев Иванович сделал шаг, ударом носка обуви под колени здоровяка заставил того рухнуть вниз, одновременно перехватил легкую женскую фигурку за талию и рывком вытянул мимо себя в коридор.

— Не трогайте девушку! — Еще один толчок отбросил массивное тело влево на широкую полку, где белела смятая постель.

Но мужчина тяжело поднялся и снова пошел в атаку. Гурова окатило запахом алкоголя. Он с отвращением ухватился за влажную от пота ладонь противника, вывернул кисть так, что нападавший вскрикнул и, дернувшись, рухнул лицом в скомканную простыню. Лев Иванович выдернул из-под него белое полотнище и ловко перетянул толстяку руки за спиной. Не стал затягивать узел, лишь ненадолго обездвигил пьяного. Но тот и не думал убежать или драться, лишь беспомощно дергался на узенькой для его большого тела полке и что-то монотонно повторял:

— Где она? Где она? Где? Пустите. Отпустите, я ничего не сделал.

Лев Иванович шагнул обратно в коридор, всхлипывающая проводница схватила его за руку, захлопнула дверь и потянула дальше от купе с черной «тройкой» на белом фоне:

— Спасибо, спасибо. Он меня так больно схватил, я испугалась.

— Послушайте. — Лев Иванович всмотрелся в бейдж на белой рубашке. Но в тусклом свете под распущенными темными волосами у него никак не получалось разобрать имя проводницы.

— Све... Светлана меня зовут. — Девушка заметила, куда направлен взгляд мужчины.

— Светлана, отведите меня к начальнику поезда. Не переживайте, вашего буйного пассажира я связал. Без посторонней помощи в такой степени опьянения он не сможет освободиться.

— А что случилось? Зачем к начальнику? Из-за того, что он меня схватил? Не переживайте, и похуже бывает. Пассажиры разные попадают, ничего не поделать.

Гуров покачал отрицательно головой:

— Не только из-за вашего буяна. — Он кивнул на мелькающие за окном фонари. — Надо сообщить по связи на станцию, где мы только что останавливались. Там пожилая женщина на станции, раздетая, без верхней одежды. Мест-

ная или от поезда отстала. Кажется, тоже, как и ваш клиент, прилично выпившая. Надо сообщить, чтобы патруль железнодорожной полиции ее нашел, пока не замерзла в сугробе.

— Там нет патруля, и отделения нет. Это сортировочная станция, техническая, — растерянно протянула девушка. Она застыла в проходе коридора, не сводя с Гурова испуганного взгляда.

— Сотрудник станции, «Скорая помощь». Ну кто-то же может ей помочь, — мягко пояснил Лев Иванович.

Он старался разговаривать тепло, без нажима, привык за годы работы, что часто жертвы насилия впадают в ступор. Бывает, от стыда, от страха повторения нападения, женщины впадают в панику, отказываясь разговаривать даже на нейтральные темы, только торопятся поскорее убежать домой или в привычное для них место. Будто желают поскорее забыть о произошедшем нападении.

Особенно такие вот совсем молодые особы, вдвойне привлекательные для насильников и хулиганов из-за красивой внешности и неумения дать отпор. Гуров прикинул внешние данные проводницы по многолетней привычке мгновенно составлять описание человека: лет 25, а то и меньше; хоть и высокая, ростом почти с него, но при этом худенькая, густые темные волосы, точеные черты лица и очень яркий макияж. Яркий до такой степени, что даже в сером полумраке коридора ее лицо смотрелось как маска — черные брови и густо подведенные глаза, кроваво-красные губы, белое лицо.

Проводница вдруг ахнула, схватила Гурова за рукав кофты и повлекла за собой в служебное купе. Там, захлопнув дверь, она прижалась к нему всем телом и, дрожа, зашептала в ухо:

— Прошу, не надо, не ходите никуда! Не бросайте меня! Я боюсь!

Лев Иванович деликатно отодвинул от себя Свету, с силой заставил ее сесть.

— Так, успокойтесь. Где у вас вода? — Он нащупал в полутьме на столике бутылочку и протянул девушке.

Но Света снова бросилась ему на грудь, ухватилась руками за воротник спортивной кофты, почти силой удерживая от любых движений.

— Я боюсь, прошу вас, не уходите!

Гуров аккуратно пытался освободиться от объятий девицы, но в узком пространстве между полкой и столиком было невозможно развернуться.

— Света, повторяю, я связал этого пьяницу. Он вас больше не тронет. Сейчас начальник поезда отправит наряд, и его снимут с поезда. Пускай проспится в ближайшем отделении полиции.

Но Света тряслась от ужаса, прижимаясь все теснее. Ее широко распахнутые глаза при пестрящем свете фонарей выглядели безумными. Девушка прошептала сдавленным от страха голосом:

— Нет, я боюсь его жену!

— Он с женой едет в купе? А где она? Спит? И не проснулась от ваших криков?

— Она не спит, она мертвая, в гробу, — прошептала Света и вскрикнула, тут же зажав себе рот рукой.

— Так, все, я иду к начальнику поезда. Разберемся, кто живой, кто мертвый, кто пьяный, кто нормальный.

Лев Иванович начал раздражаться, уже почти два часа ночи и его накрывает усталость, а тут карусель из пьяных пассажиров и сумасшедшей плачущей проводницы. Он резко сбросил руки девушки с плеч и дернул дверь в сторону.

— В каком вагоне начальник поезда?

— Нет! — Света мертвой хваткой опять вцепилась в его рукав. — Не ходите! Это вы его жену мертвую видели за окном! Ее дух! Он бродит после смерти! Это покойница! Этот мужик пьяный, он покойницу с собой везет! Начальник состава знает. Не надо ему ничего говорить, прошу вас! — Она бросила умоляющий взгляд на оперативника. — Он меня оштрафует, он знает про гроб! Это я его уговорила, чтобы разрешил провоз тела. Мне так жалко этого мужичка было! Горе у него такое.

— Так, стоп. Света, давайте рассказывайте по порядку.

Он решительно вернулся в купе, включил свет, так что темнота растаяла от теплого желтого светильника. Повер-

нулся к Свете, которая застыла с искаженным от ужаса личиком-маской. Та охотно принялась объяснять.

— Понимаете, — залепетала девушка, — он гроб везет с женой, документы есть, я проверила. Вот и напился. Кричал, кричал, искал ее, я и пришла успокоить его, чтобы другим пассажирам спать не мешал. А тут вы говорите, что женщину видели за окном. Это... это ведь... покойница, то есть ее призрак. Ее не похоронили, вот она и является. — Света жглась и заскулила: — Я боюсь! Не уходите, пожалуйста, посидите со мной. Я так мертвых боюсь. Не надо начальнику поезда рассказывать, он меня оштрафует за скандал. И его как с поезда ссаживать? Куда он с гробом ночью? Горе у человека, выпил немного. Не трогайте вы его.

— Понятно. — Лев обдумывал услышанное. — Вот что я вам скажу, Света, покойники не гуляют по станциям. Это обычный человек, может быть, просто местная жительница заблудилась в темноте и забрела на станцию. Я видел ее мельком, только уверен, что она вполне живая и реальная. Как оперативник по особо важным делам, официально вам заявляю, привидений не существует. — Он старался приободрить девушку, развеять ее страх. — И все-таки, Света, давайте пройдем к вашему начальнику. Расскажем ему, что произошло, пускай решает проблему. Ведь это и есть его работа — решать проблемы пассажиров, как мертвых, так и живых, верно?

— И какие проблемы у пассажиров?

От голоса из коридора Света и Лев вздрогнули, но тут же с облегчением выдохнули. В проем приоткрытой двери шагнул высокий мужчина, чуть старше тридцати лет, в отглаженной железнодорожной форме, с элегантною прической, от него шел аромат хорошего парфюма.

— Что тут происходит? — Взгляд мужчины перебрался с проводницы на Гурова.

— Вот, товарищ... начальник... — От испуга Света начала запинаться и медлить. — В третьем купе напился пассажир, ну тот, с гробом. И буянил, полицейский его успокоил и связал.

— Хорошо, я проверю и решу вопрос, — кивнул мужчина девушке.

— Вы начальник поезда?

— Да, Губин Роман Викторович, — сухо ответил железнодорожник.

Льву Ивановичу показалось, что мужчина в форме смотрит на Свету с плохо скрываемым раздражением. Гуров попросил:

— Вы не ругайте девушку, пожалуйста. Она тут ни при чем, просто слишком впечатлительная. — Опер сделал шаг поближе к железнодорожному служащему. — Давайте выйдем в коридор, поговорим.

Они вышел из служебного купе, и Гуров прикрыл за собой дверь.

— Понимаете, — сказал Лев Иванович, — на нее сначала напал пассажир, просто вцепился и не выпускал из купе. Пришлось немного его усмирить. Может быть, стоит снять его с поезда, если он так мешает персоналу работать. И еще кое-что...

— Слушаю. — В голосе Губина снова слышалось раздражение.

Но Лев Иванович списал его недовольство на усталость и глубокую ночь. Никому не хочется возиться с пьяницами и буйными пассажирами, когда все пассажиры в вагонах мирно спят.

— Во время последней остановки поезда на маленькой станции я увидел в окне на путях женщину. В возрасте, около пятидесяти лет, полная, среднего роста. Волосы собраны в пучок, темная одежда, кажется, без куртки и шапки. Больше ничего не успел рассмотреть, поезд тронулся. Мне показалось, что эта женщина пьяна и ей стало плохо. Она стояла неуверенно, качалась на месте. Можете сообщить о ней по связи в ближайший пункт полиции или хотя бы сотрудникам железной дороги на той станции? Пускай проверят информацию. Она может замерзнуть или попасть под поезд.

— Да, конечно, наверняка местная пьяница бродит по путям, — снова сухо сказал начальник поезда и равнодушно посмотрел на Гурова. — Не переживайте, я решу все вопросы.

— Не ругайте Светлану, она испугалась сильно, услышав про женщину. Решила, что это дух покойницы из купе бродит по станции. Она не хотела вас беспокоить. Может быть, позовете ей в помощь более опытного проводника? Разве она не должна работать в паре?

— Да, обязательно. У нас нехватка сотрудников. Возвращайтесь в купе, все будет в порядке. — Губин зашагал по коридору, давая понять, что разговор окончен.

Высокий лохотный мужчина в конце коридора остановился лишь на пару мгновений, чтобы убедиться, что Гуров возвращается обратно в свое купе.

Лев Иванович задвинул дверь и замер, вслушиваясь в звуки за тонкой стеной. Вот шорох открываемой двери, тишина... и опять шуршание, потом шаги по коридору в сторону служебного отсека. Все-таки достанется несчастной Светлане от начальника. Но больше не было слышно ни шагов, ни разговоров, ни криков. Тихий перестук колес, лязганье железных соединений вагона. Звуки навевали дремоту, глаза опять начали слипаться, но он решил подождать еще час. Не давал ему покоя холодный, отрешенный взгляд начальника поезда и его равнодушные ответы на все просьбы. Лев Иванович хотя и давно работал опером, навидался человеческой жестокости, смертей, но душой так и не зачерствел. Не мог он остаться равнодушным к замерзающей женщине на полустанке, ибо чувствовал ответственность за ее жизнь. Пускай пьяная, пускай сама виновата, что бродит по безлюдному месту, но для ее спасения требуется всего-то такая малость — сообщить на станцию, чтобы местные служащие железной дороги нашли пьяницу и отвели ее в безопасное место.

Только усталость оказалась сильнее, Гуров и сам не заметил, как уснул. Проснулся от ударов над ухом, в соседнем купе кто-то с грохотом молотил в стенку. Коллега Лена, лежащая на полке напротив, проснулась и спросонья испуганно всматривалась в темноту:

— Лев Иванович, что такое, что за звуки? Это вы стучите?

— Нет, нет, Лена, спите. Все нормально, в соседнем купе пьяница пришел в себя. Сейчас я с ним поговорю, он не будет мешать.

В темноте он нащупал куртку, накинул сверху. Так будет спокойнее, в кармане лежат наручники. Если дебошир не угомонится, то придется его приковать к металлической опоре столешницы и все-таки вызвать дежурный наряд. Пускай делают свою работу и умиряют нарушителей порядка. Он оперативник, а не рядовой дежурный.

В купе Лев Иванович застал толстяка, который не мог перевернуться из-за связанных рук, но очень хотел устроить шумиху. Поэтому так усердно ударялся седой головой по тонкой перегородке.

— Так, гражданин, шум прекращаем!

На его голос мужчина повернулся и прищурился:

— Где моя жена? Развяжите меня! Что за выходы!

— Я вас развяжу, если не будете буянить. Драться, кричать, кидаться на других людей. Условия понятны?

— Да не буду я драться. Развязывай, — простонал пожилой пассажир.

Грузное тело невыносимо ныло от неудобной позы, в которой он уснул, — руки, заломленные за спиной, ладони туго стянуты. Лев Иванович в два движения размотал простыню и сделал шаг назад, освобождая пространство пленнику. Но и при этом соблюдая безопасность — если тот снова попытается напасть, то можно будет в один шаг выйти в коридор, захлопнуть дверь купе и отправиться за нарядом. Эта история уже порядком ему надоела, бессонная ночь из-за любителей алкоголя никак не кончалась. Только толстяк и не собирался кидаться на опера. Он со стоном криво уселся, оперся на стенку и начал растирать запястья.

— Где моя жена? Ну, где она?

От его вопроса Гуров напрягся: у мужика, видимо, нервный срыв и память отбило от горя.

— Вот здесь. — Лев кивком указал на большой ящик из досок во всю длину соседней скамьи.

От злости лицо у собеседника налилось кровью, это было видно даже при тусклом свете фонарей, что замелькали за окнами все чаще. Поезд приближался к очередной станции.

— Вы что, издеваетесь? Это шутка ваша дурацкая? Как там это называется? Пранк, розыгрыш? Ну, где камера? Все удалось, очень смешно, заканчивайте вашу клоунаду!

Мужчина встал на ноги. Полный, с одышкой, уже явно пенсионного возраста, но при этом он был силен, под рубашкой угадывались мощные руки и широкие плечи. Гуров отреагировал мгновенно. Ловким ударом в колено он сбил здоровяка с ног и молниеносно защелкнул один браслет на запястье, а второй — на металлической опоре стола.

— Отпустите! — От боли седой взревел во весь голос.

— Я же предупреждал, не надо бросаться на людей.

— Не надо говорить мне, что моя жена мертва! Она жива, а вы чертов клоун или безумец! Идиот!

Лев Иванович всматривался в лицо пожилого мужчины. Как странно, никаких признаков опьянения, хотя еще пару часов назад от него несло свежим алкоголем.

Дверь стремительно откатилась, на пороге застыла проводница с сонным лицом, она, видимо, успела задремать в своем купе. Огромные глаза стали еще больше от ужаса.

— Да что опять? Там уже все пассажиры проснулись! — Она потянула носом воздух в купе и громко с укоризной зашептала: — Напились, так хоть не хулиганьте! Как вам не стыдно, перестаньте кричать, вы мешаете другим людям. Ночь, все спят.

— Где моя жена? Скажите, прошу вас, прошу, прекратите эту жестокую шутку. — Мужчина перестал кричать и тоже перешел на шепот. Только тон у него был испуганный и умоляющий.

От его перекошенного болью лица Льва Ивановича передернуло, в нем было столько муки и недоумения. Светлана начала ласково уговаривать:

— Перестаньте, пожалуйста, ваша жена в этом гробу. Вы сами вчера его грузили на станции. Давайте я вам лучше водки из вагона-ресторана принесу. Выпейте и снова уснете, так будет лучше.

— Я не пью, мне врачи запретили! Зачем вы лжете? Зачем вы все лжете? Я не пил водку, я пил вчера с женой чай в поезде, а потом уснул! И теперь проснулся, а вы мне гово-

рите, что моя жена умерла, что я напился, что я кидаюсь на людей! Я... Это вам так с рук не сойдет!

Мужчина беспомощно дергался, морщась от боли в руке, но прочные браслеты не давали ему снова встать во весь рост.

— Я сейчас, сейчас. — Девушка убежала в свое купе.

Обессиленный гигант замер.

— Это правда? Правда, что моя жена умерла и я везу ее в гробу? Покажите документы, прошу вас, умоляю, покажите мне бумаги.

Оперативник замешкался, оглядел купе, где же багаж пожилого мужчины.

— Они у вас должны быть, в ваших личных вещах. — Найти сумку он так и не смог.

Проводница уже протиснулась обратно в тесное купе.

— Вот, выпейте водички. Пейте. — Девушка протянула пассажиру бутылку минералки. — Станет полегче, вам надо прийти в себя. — Она открутила крышечку и заботливо сунула бутылку в огромную ладонь мужчины.

— Пейте, мы отойдем на пять минут. — Лев Иванович бережно подхватил девушку под локоть и повел на ее рабочее место. — Покажи документы на этого пассажира, — сказал он ей по дороге.

— Хорошо-хорошо, покажу! — Она торопливо засемила на свое рабочее место.

В купе девушка взяла с крохотного столика у окна, заваленного документами, едой, косметикой, пластиковую папку и вытащила из нее кипу билетов. Показала один пассажирский билет и два больших листа, скрепленных между собой.

Гуров пробежался глазами: Дымов Олег Дмитриевич, свидетельство о смерти Дымовой Ольги Борисовны, разрешение на перевозку тела.

— Оригиналы ты у него проверила?

— Конечно. — Девушка кивнула, от расстройства у нее дрожали губы. — Простите, что он вам мешает. Это моя вина, не надо было его брать в вагон. Пожалела, он так плакал, рассказывал, что жену везет хоронить на родину. Не-

много осталось, через пару часов уже его станция. Потерпите, прошу вас, вы такой хороший. Я сейчас принесу ему немного водки, чекушку в ресторане выпрошу. Горе у человека, немудрено, что головой повредился.

— А про женщину ничего не сообщали на ту станцию? Как называется, техническая?

— Сортировочная. Вы не переживайте, всю ночь не спите, бегайте. Спасли меня. Вот держите водичку. Пейте, не надо денег. Больше не знаю, как отблагодарить. Хоть что-то. — Девушка сунула ему такую же бутылку, что и буйному Дымову.

Лев Иванович взял бутылку с водой, открутил крышку и сделал глоток. И правда, тяжелая ночь никак не кончится. Буйный пьяница достал весь вагон и в том числе проводницу, а ведь и слова дурного не поворачивается язык ему сказать. Действительно, горе у мужика страшное, такое, что мозг не выдержал.

В дверную щель просунулась взлохмаченная голова коллеги Гурова Лены:

— Девушка, что происходит? У нас там мужчина за стеной скулит и рыдает ужасно. Перед этим головой бился об стену. Можно его утихомирить как-то? — Она обрадовалась при виде Гурова. — Ой, Лев Иванович, вы уже здесь? Три ночи и полный дурдом, вот так прокатились в спальном вагоне.

— Простите. — Света растерянно развела руками. — Нервный срыв у мужчины. Я сейчас постараюсь его отвлечь. Поговорю с ним.

Гурову стало жаль проводницу, она суетилась и испуганно косилась на них в ожидании скандала, не зная, как решить проблему.

— Ладно, Светлана, ты давай других пассажиров успокой. Потерпим пару часов, не переживай.

— Да мало людей, все в другом конце вагона. Только вот вас он достал. — Света, казалось, сейчас расплатится из-за сложившейся ситуации. Ее симпатичное личико исказилось от горькой гримасы, помада и подводка за время беготни размазались.

— Ну держись, Света. — Гурову искренне было жаль девушку, наверное, она впервые сталкивается с такими неприятностями. — Он в наручниках, как будем подъезжать к его станции, зови. Сниму и вывести помогу хулигана.

Лев обратил внимание, что у девушки от огорчения дрожат даже руки, Светлана нервно мяла край форменной юбки. Он кивнул Лене — идем. По пути объяснил коллеге, что произошло, и ее первоначальное раздражение как рукой сняло. В купе она прислушалась к звукам за стеной, сокрушенно покачала головой — как же жаль бедного вдовца. Дымов, могучий и агрессивный пять минут назад, тихо плакал, как испуганный ребенок, повторяя будто молитву одну и ту же фразу: «Это сон, это страшный сон! Она не умерла, нет, нет, Оля не умерла. Это сон».

Лев Иванович почувствовал, как на него накатила такая усталость, что нет сил даже говорить. Начала одолевать дремота, сквозь которую доносились звуки: скуление Дымова, вздохи Лены, чьи-то шаги, звуки открываемой двери. Он хотел прислушаться, понять, кто пришел в купе к несчастному мужчине, ведь обещал проводнице присмотреть за Дымовым и помочь девушке, если потребуется. Но ритмичные звуки убаюкивали, веки стали совсем неподъемными, и Лев Иванович, уже не в силах сопротивляться, погрузился в тяжелый крепкий сон.

Проснулся Гуров от резкого удара над ухом. «Опять Дымов буянит, — мелькнуло в голове. — Надо помочь, я обещал Светлане». Он попытался приподняться с вагонной полки, но руки и ноги не подчинялись, стали ватными. С трудом Гурову удалось разлепить веки. Он с удивлением отметил, что все вокруг кружится, в голове туман. Кое-как у него получилось сесть, при первой же попытке встать он почувствовал тошноту, а стены купе запрыгали перед глазами словно живые. Лев Иванович с трудом сфокусировал взгляд: Лена мирно спала на своей полке, уже хорошо. Медленно, с усилием он перевел взгляд на окно. За стеклом виднелось небольшое здание с электронными часами, которые показывали 6 утра, красные отблески отражались на

скромной вывеске названия станции «Туманный». Дымов, остановка!

Стараясь не обращать внимания на слабость и головокружение, Гуров поднялся и, цепляясь за стены, вышел в коридор. В соседнем купе была тишина. Лев Иванович попытался откатить дверь в сторону, хоть руки почти не слушались. В темноте пустого купе бросились в глаза черный ящик с телом справа и смятая постель на полке слева, но вот самого Дымова в купе не было. Стол, к которому он приковал мужчину наручниками, странно скривился вбок, а на полу застыла лужа крови. «Что за черт, что тут произошло?» Превозмогая себя, Гуров добрался до служебного купе. Здесь тоже царил хаос, все документы из папки с билетами валялись на полу, даже косметика и одежда девушки были раскиданы. На стенках и двери застыли свежие кровавые отпечатки пальцев.

— Света, Светлана! — позвал он проводницу.

Но никто не отвечал. Девушка пропала. Кое-как у Гурова получилось дойти до конца вагона, в тамбуре он дернул ручку двери — заперто. Надо выйти и обратиться в полицию, что-то произошло в вагоне, пока он спал. Лев Иванович лихорадочно принялся дергать ручку. Вдруг дверь перехода между вагонами приоткрылась и показалась голова в полицейской фуражке:

— Эй, гражданин, успокойтесь! Не ломайте государственное имущество.

— Наконец-то, — с облегчением выдохнул Лев. — Идемте, нужна ваша помощь. У нас пропали проводница и пассажир.

— Серега, дуй сюда, — позвал полицейского голос из соседнего вагона. — Я пирогов притащил.

Парень нахмурился, осмотрел странного пассажира с головы до ног и буркнул:

— Ну давай быстрее, чего там. — Присмотревшись к неуверенной походке Гурова, уточнил: — Пили алкоголь?

— Не пил, — бросил в ответ Гуров.

Он и сам начал понимать, как неубедительно выглядит со стороны. Бледный, взъерошенный, идет еле-еле. Сразу хочется приписать его к пьяницам и отмахнуться от расска-

зов о пропавших пассажирах. Едва он довел парня в форме до служебного купе и ткнул пальцем в кровавые отпечатки, как изнутри поднялась волна тошноты и Лев не смог удержаться. Его вырвало прямо на пол возле входа в служебный отсек. Полицейский брезгливо отскочил в сторону:

— Чего врешь, что не пил. Вон как полоскает тебя. Убирать за собой будешь.

— Уберу, — процедил Гуров сквозь зубы.

Голова хоть по-прежнему кружилась, а все тело от испытываемой слабости покрыл липкий пот, но после того, как его стошнило, в голове стало немного проясняться. В дальнем конце коридора показалась женская фигурка.

— Вот проводница, вот! — Голос у него стал хриплым от натуги, тело совсем не слушалось. — Светлана, где Дымов? Откуда кровь в его в купе и у тебя? Что случилось?

Девушка испуганно замерла поодаль:

— Он вышел, пассажир вышел.

— Кровь откуда? — Туман в голове все еще мешал Гурову сосредоточиться.

— Он порезался о ваши наручники, и я тоже перемазалась в крови. Все в порядке, ничего страшного не произошло. Идите в свое купе, не надо по вагону бродить. — В голосе сотрудницы сквозила паника.

В окне вагона Лев Иванович увидел отражение молодого полицейского, который хлопнул по горлу рукой и вопросительно посмотрел на девушку, а та утвердительно кивнула — да, пил.

— Зачем ты лжешь, я не выпивал вчера, — возмутился опер, чувствуя, как дрожит все тело перед новым приступом рвоты.

Но полицейский лишь хмыкнул в ответ и предупредил:

— Тряпку в зубы и уברי за собой, и давай не буянь тут, а то быстро с поезда снимем.

И он исчез за дверью тамбура, торопясь позавтракать пирогами. Света, демонстративно сморщив носик, перешагнула через зловонную лужу и с грохотом закрыла дверь служебного помещения. Гуров стукнул по тонкой перегородке дверной филенки:

- Где Дымов, почему он тело не забрал?
- Грузчики сейчас заберут. Уходите, не шумите, или позову полицию, — раздался ответ из-за загородки.
- Откройте двери в тамбуре, мне надо на улицу.
- Нет, мы уже через минуту отправляемся. Уходите к себе. — Голос девушки звенел от раздражения.

Гуров шагнул в сторону своего купе, ну что он и правда завелся. Поранились, снимая наручники, пассажир буянил и снес стол, гроб сейчас заберут. А ему плохо, потому что, возможно, чем-то вчера отравился.

Но тут же оперативник сделал шаг назад: нет! Он не может сейчас четко сформулировать, что не так, но в вагоне происходит нечто странное. Он в этом уверен, и проводница что-то скрывает. Только доказать или высказать это в более-менее ясной фразе он пока не может.

Гуров заторопился обратно к тамбуру, потом в переход между вагонами, попал в соседний вагон и остановился возле приоткрытой двери служебного купе. В тесной комнатке дородная проводница хлопотала над столом с завтраком: стаканы, пакеты с пирожками, сахар. Двое рядовых в полицейской форме развалились на узком сиденье, ожидая, когда уже можно будет приступить к трапезе.

— Сыночка, может, тебе сгущенку открыть? У меня баночка припасена. Ты же любишь.

— Ну давай, — сладко зевнул парнишка, который недавно разговаривал с Гуровым. При виде беспокойного пассажира полицейский вскинулся: — Эй, чего бродишь! Топай на свое место, сказал же! Проблем хочешь?

— Выход, где выход? — прохрипел Гуров в ответ и бросился вперед по коридору в поисках открытой двери из вагона.

— Стойте, мужчина, вы куда? — Пожилая проводница неловко засеменила следом. — Я уже двери сейчас закрывать буду, поезд отправляется! Стойте! Нельзя выходить.

На ее крики выглядывали пассажиры из своих купе, с удивлением провожая взглядом шатающуюся мужскую фигуру.

В тамбуре пожилая женщина преградила ему дорогу:

— Не пушу, иди проспись, еле на ногах стоишь! Все, стоянка окончена. Отстанешь еще, потом моему сыночке штраф из-за такой пьяни, как ты, выпишут.

Она полезла за ключом от двери, но от волнения ее толстые дряблые руки плохо слушались. Состав дернулся и потихоньку начал движение. Медленно проплыл мимо маленький перрон, серое здание вокзала, парочка пассажиров в объятиях встречающих. Дымова на перроне не было, да и гроб его жены никто не нес.

— Эй, ты, пьянь, а ну отошел от двери, — раздался грубый оклик.

Сергей уже звенел наручниками, чтобы остановить надоевшего хулигана. Гуров вдруг отчетливо увидел, как эта троица на него смотрит. Парень с раздражением тянулся к наручникам, второй полицейский постарше брезгливо скривился от тошнотворного запаха измазанной рвотой одежды, пожилая проводница озабоченно нахмурилась, не тронет ли буйный пьяница ее сына. Он ведь так же смотрел на Дымова пару часов назад, когда мужчина плакал и умолял ему поверить, что его жена жива и что он не пил водку. Что-то происходит! Поезд надо остановить!

Лев Иванович повернулся к стене и со всей силы рванул вниз рычаг стоп-крана.

— Ах ты, гадина, что творишь! — заголосила женщина.

Ее сын бросился на Гурова, но промахнулся от резкого торможения состава и впечатался в стену рядом. Проводница от резкого толчка тоже ударилась о стенку. Гуров ловко проскользнул мимо протянутых рук, дернул ручку двери и прыгнул вперед навстречу медленно плывущей полоске гравия. Упав, он сильно ударился о землю, перекатился на другой бок и проехался всем телом по мягкому сугробу на откосе пути. Оперативник тяжело поднялся, бросился бежать, не обращая внимания на боль в ноге. Вдогонку неслись крики:

— А ну стой, придурок, стой! Я тебя на пятнадцать суток посажу!

— Пускай валит, Серега! Его сейчас местные приберут!

— Сыночек, не трогай ты этого сумасшедшего, не надо! — причитала мать вслед спрыгнувшему с поезда Сергею.

Но тот не отставал, судя по топоту ботинок и тяжелому дыханию за спиной. Лев Иванович тоже не останавливался, несмотря на боль в ноге. Вот уже здание вокзала, мерцающие часы над вывеской и мутная слепая лампочка рядом со скромной табличкой «Опорный пункт полиции». Рывком он открыл дверь и чуть не упал, зацепившись за ведро с водой и швабру. От грохота проснулся дежурный, который сидел за столом, сложив на столешнице руки и положив на них голову:

— Ты кто такой? — подняв голову, сонно спросил он. — Что надо?

Следом в дежурку влетел запыхавшийся полицейский из наряда поезда:

— Держи его, алкаш с поезда сбежал! Стоп-кран рванул!

— Понял! — вскинулся дежурный, вскочил со стула и начал обходить стол, чтобы накинуться на беглеца с другой стороны.

Но Гуров знал, что их остановит. За годы работы научился, как обращаться с рядовым составом, тем более таким наглым, чувствовавшим свою хоть и маленькую, но власть и безнаказанность. Рука нырнула в карман куртки, а голос, налитый угрозой, остановил подступающих к нему полицейских:

— Старший оперативный уполномоченный по особо важным делам полковник Гуров! Стоять всем!

При виде красной корочки дежурный и Сергей, растерявшись, замерли, закрутили головами, поглядывая друг на друга — что же делать?

Лев Иванович повернулся к дежурному линейного отдела:

— Сообщение о женщине со станции вы получали? Есть информация о ней?

— С какой станции? — Дежурный от удивления окончательно проснулся. — Никакой информации нам не поступало. Ночь прошла без происшествий.

— Начальник прибывшего поезда не сообщал вам о женщине на соседней станции?

— Да никто не звонил, ничего не передавали, товарищ полковник.

Дежурный все косился то на Гурова, то на полицейского из дежурного наряда, пытаясь понять, как себя вести. Вроде коллега-линейщик гнался за обычным пьяным дебоширом, а тот оказался важной шишкой, хоть и устроил скандал в поезде, но так просто его не задержать.

— А гроб, как же... Гроб из поезда выносили?

— Не было такого, товарищ подполковник. Пассажиры обычные. Никаких гробов.

Теперь дежурный мерял опасливым взглядом крепкую фигуру Гурова. Легко скрутить его не удастся, к тому же еще и бредит гробами какими-то, женщинами. Точно от пьянки «белочка» началась, наверное, надо позвонить начальству и попросить разрешения вызвать бригаду психиатрички для важного опера, пока не перестрелял их здесь из табельного. Вон как крутит головой, высматривает что-то на пустом перроне. Точно галлюцинации начались!

— Ложись! — вдруг закричал безумный опер и рухнул на пол, прикрыв руками голову.

«Точно «белочка!» — Дежурный кинулся к телефону, но в ту же секунду закричал и в ужас повалился под стол. От грохота заложило уши, от удара взрывной волны задребезжали стекла во всем здании вокзала. От невидимого из окна опорного пункта места, где прогремел мощный взрыв, над вагонами протянулся черный шлейф дыма.

— Мама! — Сергей бросился к выходу, за ним побежал Гуров. В дверях он остановился и крикнул дежурному:

— Звони в пожарку, в МЧС, в «Скорую»! Взрыв в поезде! Надо эвакуировать людей.

Вдвоем они бежали по перрону обратно к вагонам, а на встречу уже хлынул поток людей. С криками сонные пассажиры вылетали босыми и полураздетыми на мороз, в ужасе спасаясь от занимающегося в одном из вагонов пожара. От него образовывалось смердящее удушливое облако, которое накрывало искореженный, разодранный ближе к входной двери вагон. Третий вагон, тот самый, в котором Гуров ехал всю ночь! Теперь часть его превратилась в груды оплавленного черного металла, над которой стоял черный столб дыма и разлеталась во все стороны едкая гарь.

— Лена! — не сдержал Гуров крика и, на ходу обматывая голову курткой, бросился прямо к двери, откуда, гудя, вырвалось пламя пожара.

На ощупь, вздрагивая от боли в пальцах из-за горячего металла, Лев открыл двери, считая про себя секунды. У него минута, чтобы найти Лену, потом организм откажется подчиняться и сработают инстинкты — легкие сделают вдох. Вдох угарного газа, и тут же потеряешь сознание, останешься в огненной ловушке. Сорок девять, пятьдесят, пятьдесят один... Погнутая взрывом дверь купе лежала внутри тесного отсека, накрыв стол. Он сдвинул ее в сторону и почувствовал, как под ногами кто-то шевелится. Лена в одеяле, вся в кровавых отметицах и черных подпалинах стонала, лежа на полу. Живая! Он подхватил тело и потащил к выходу, ощущая, как с каждым шагом его накрывает темнота. Нос и горло неимоверно жгло от вонючего воздуха, глаза щипало до слез. Он споткнулся обо что-то и рухнул на пол тамбура. Ползком подтянулся к проему, прижал к себе Лену и рывком бросился вниз. От удара об мерзлую землю перед глазами поплыли разноцветные пятна. 78! Лев Иванович не выдержал и глубоко втянул горькую гарь. Снова подступила мучительная тошнота, и он провалился в черную бездну.

Глава 2

Гуров открыл глаза, обвел взглядом мутную белизну, но так и не понял, где находится. Взгляд никак не хотел фокусироваться, перед глазами лишь двигались размытые пятна. Но, к счастью, нет бьющей в нос едкой вони тлеющего пластика и металла.

— Лена, Лена как? Она жива? — Звуки с хрипом выходили из опаленного горла. Боль скребла острыми когтями по гортани.

— Жива, в реанимации, но прогнозы хорошие, — ответил ему приятный мужской голос. — Ее спасла дверь, которая накрыла пассажирку во время взрыва как щит. И потом спасли вы. У вас отравление угарным газом легкой степени,

Лев Иванович. Врачи сказали еще трое суток нежелательно беспокоить. Как вы себя чувствуете? Сможете рассказать, что случилось?

Голос участливо задавал вопросы, рассказывал, вытягивал из обморочной слабости. Лев Иванович смог наконец более отчетливо рассмотреть собеседника. В накинутом белом халате рядом с кроватью сидел молодой мужчина лет тридцати. Аккуратная прическа волосок к волоску, белоснежная рубашка и костюм, тщательно выглаженные, ботинки сияют зеркальным блеском. Когда оперативник попытался привстать, мужчина обрадовался, засуетился:

— Лев Иванович, давайте подушку вам принесу, чтобы поудобнее было. Как хорошо, что вы пришли в себя. А то врач мне сказал не раньше чем через сутки вы сможете говорить. Начальство уже сейчас требует результаты расследования, такое происшествие, трагедия, и в нашем тихом районе.

— Воды. — Голос был совсем чужой. От каждого слова горло и нос продирало будто железной щеткой.

— Конечно, сейчас, попрошу медсестру. — Парень бросился к двери.

Гуров осмотрелся: скромная палата на пять коек была переполнена. Люди лежали даже на медицинских кушетках, самодельных лежаках из тумбочек и строганных досок. Почти все были в сознании, но лежали тихо, с бледными с зеленоватым оттенком лицами после отравления вредными выхлопами при пожаре. Его собеседник вернулся с высокой худощавой женщиной в белой униформе. Та наклонилась поближе, проверила пульс на запястье. Участливо спросила:

— Как себя чувствуете? Тошнота, головокружение есть?

Гуров кивнул, нагружать саднящее горло не хотелось.

— Пейте воду как можно больше, чтобы выводить токсины. Чайник стоит в коридоре. Капельницу поставим вечером, станет получше.

Медсестра двинулась по кругу, обходя остальных пациентов. Крупный парень, лежащий на сооружении из тумбочек и дверного полотна, забубнил возмущенно:

— Почему у меня даже кровати нет? Я пострадал от взрыва! А лежу на каких-то досках, у меня все тело болит.

— Потерпите, пожалуйста. Много пострадавших, нам некуда размещать людей, — принялась кротко успокаивать медсестра. — Поселковый фельдшерский пункт не рассчитан на такое количество людей, врач не успевает всех осмотреть. Вечером, скорее всего, удастся организовать перевозку в районный центр, там условия будут получше.

Гуров с усилием приподнялся на кровати, замер, проверяя ощущения. Комната качнулась, но тут же предметы встали на свои места и все очертания стали четкими.

— Как вас зовут?

Молодой мужчина смутился:

— Простите, растерялся и не представился. Андрей Егоркин, я следователь из районной прокуратуры. У нас такое впервые. Взрыв в пассажирском составе. Бывают, конечно, события... но обычные, бытовые. Я немного растерялся... не знаю даже, за что хвататься, — почти шепотом закончил мужчина, оглядываясь по сторонам, не слышит ли кто из пациентов поселкового фельдшерского пункта его испуганное признание.

— Гостиница здесь есть? Где вы остановились? И моя одежда, вещи, что-то из вагона забрали?

Гуров начал решительно подниматься с койки, медсестра из противоположного угла недовольно наблюдала за его попыткой встать и сделать самостоятельные шаги. Он покачнулся, но удержался на ногах, даже получилось улыбнуться:

— Освобождаю кровать для нуждающихся. Только хотелось бы переговорить с врачом перед выпиской. Где его найти?

— По коридору налево, крайняя дверь. — Женщина вздохнула тяжело. — Но сейчас он может быть где угодно, еще не закончил осмотр. Вашу куртку я принесу из гардероба.

— Спасибо! — кивнул Гуров и, стараясь не обращать внимания на дурноту, шаткой походкой вышел из палаты.

Следователь Егоркин шел за ним.

— Товарищ полковник, давайте я отвезу вас. Тут гостиницы нет, но квартиру можно снять. Вернее, комнату в квартире. Я отвезу вас к себе, только захал в съемное жи-

лье. Вы мне расскажите, что произошло. Работы очень много, десятки свидетелей надо опросить. Но я решил, что вы как оперативник могли заметить что-то важное. И к тому же вы ехали в том вагоне, где произошел взрыв, почти в самом эпицентре.

Гуров, который осторожно обходил сидящих прямо на полу людей, повернулся к следователю и тихо попросил:

— Андрей, а давай я с тобой буду на «ты». Забери мою куртку, подожди в машине на улице, хорошо? Пять минут, и поговорим обо всем. У врача узнаю о своем лечении.

— Да, хорошо, — закивал мужчина и заторопился к медсестре, которая призывно махала, стоя у двери.

Лев Иванович заглянул за одну дверь — кабинет для приема, здесь тоже организовали палату и перевязочную для пострадавших; возле второй двери его перехватил сморщенный старичок с пигментными пятнами на лице. Седой, с желтыми прокуренными усами, он со строгим видом постучал кулаком по двери:

— Куда, ну? Там операционная стерильная, реанимация мобильная организована! Он грязный, в саже, туда лезет!

И тут же, подслеповато всмотревшись при тусклом свете старых ламп, доктор радостно улыбнулся, узнав Гурова:

— А, герой-спаситель! Уже с кровати вскочил? Ну что ж, удерживать не буду, но пока рекомендую постельный режим, препараты для очищения организма. Свежий воздух, обильное питье. Серьезных травм не нашел, вот плечо только у вас мне не понравилось.

Крепкие пальцы прошли по впадине ключицы по той стороне, на которую Лев Иванович упал, держа Лену на руках.

— Кость не деформирована, может быть, трещина, но это только на рентгене увидим. В районный центр с общей партией запишитесь у медсестры на перевозку, глава районного центра пообещал машину и дать в помощь врачей. У нас — увы и ах, дефицит бюджета. Кроватей не допросишься, какие уж рентгеновские аппараты.

— Спасибо, я чувствую себя вполне сносно. Лучше скажите, как Лена? Девушка, что пострадала при взрыве, она была в самом центре.

— У нее крепкий молодой организм, ей повезло. Ссадины, кровоподтеки, гематомы значительные, но переломов или сильных ожогов нет. Сильнее всего она пострадала от вредных испарений при пожаре. Я собрал все необходимые препараты из соседних поселков, будем ставить ее на ноги. Через пару дней выведем из острого состояния и отправим долечиваться в районный центр. Прогнозы хорошие, вовремя вы ее вытащили, еще минут пять, и уже последствия отравления были бы необратимы.

— Спасибо, спасибо, доктор. Еще можно будет задать пару вопросов? Если, конечно, у вас есть время. Много пострадавших, я слышал.

— Много, — вздохнул старичок и метнул испытующий взгляд на Гурова: — Вы ведь из полиции, верно? Из Москвы. Не удивляйтесь, у нас информация быстро передается, поселок уже в курсе. Может быть, хоть это происшествие заставит их расшевелиться. Ведь главная проблема в том, что у нас в фельдшерском пункте ничего нет. Лекарственных препаратов, персонала, приборов. Даже элементарных койко-мест. Вот что значит коррупция, все, что не приносит деньги, гниет и разрушается. — Перехватив удивленный взгляд оперативника, врач с горечью вздохнул. — Не обращайтесь, ворчу по-стариковски. Хочется тоже спасителем быть, а не оправдываться, почему не могу оказать помощь пострадавшим.

— Сколько их?

— Девять человек с диагнозом отравление угарным газом, все пассажиры взорванного вагона, больше тридцати, с мелкими порезами, травмами от отлетевшей обшивки. Ну и так, по мелочи, впечатлительные бабульки с подскочившим давлением. Пока цифры примерные, легкие больные ждут осмотра, только начинаю с ними работу.

— Погибшие есть?

— Если и есть, то не в больнице. Ими уже спасатели занимались, в больнице из серьезно пострадавших лишь ваша знакомая.

— Спасибо. — Лев Иванович хотел бы сказать что-то ободряющее, теплое, глядя на посеревшее озабоченное лицо пожилого врача.

Старый доктор, явно пенсионного возраста, в темном крошечном здании без ремонта, с тусклым освещением. Пятна на потолке, ободранные стены, вытертый линолеум — все здесь кричало о крайней бедности. В таких ограниченных условиях он борется, хлопочет о состоянии каждого пациента.

Но в глазах у Льва Ивановича уже темнело, носоглотка горела огнем от долгого разговора, ему нестерпимо хотелось выйти как можно быстрее на свежий воздух, поэтому он промолчал.

— Я зайду к вам попозже, когда станете посвободнее? — спросил он, переборов свое состояние. — Мне кажется, вам есть что мне рассказать. Спасибо еще раз, что позаботились о Лене. Если что-то будет необходимо — скажите.

— Обязательно, заходите, за вами еще надо понаблюдать. Уезжать пока не советую, здоровье слабовато. Отлежитесь хотя бы дня три, герой.

Старичок ободряюще похлопал Гурова по руке и двинулся дальше осматривать ожидающих по всему коридору пациентов. А Лев Иванович поспешил к выходу. На кривом деревянном крыльце ноги совсем его перестали слушаться, и он с размаху опустился в серый сугроб. Егоркин, сидевший за рулем, засуетился, выскочил из машины, помог подняться:

— Осторожно, вот ваша куртка.

От едкого запаха гари изнутри поднялась тяжелая волна тошноты, все вокруг стало зыбким. Гуров вытащил из карманов телефон, документы, портмоне, а куртку протянул обратно.

— Упакуй в пакет и приобщи к вещдокам. Может, следы взрывчатого вещества найдутся. По пути Расскажи, что произошло, а я уже своей версией поделюсь, сообщу, что помню.

В несколько тяжелых шагов Лев Иванович преодолел дорогу к новенькому автомобилю и обмяк на пассажирском сиденье. Егоркин пристроился за рулем, поглядывая на опытного опера, заговорил в своей торопливой манере:

— Здесь недалеко, пять минут, — и приедем. Ну что можно рассказать о произошедшем. От дежурного из линейного

пункта на вокзале поступил сигнал о взрыве в вагоне пассажирского поезда. Взрыв не сильный, централизованный в конкретном купе. Эксперты еще работают, причины и обстоятельства происшествия не установлены. Здесь в поселке нет лабораторий, да здесь ничего нет, кроме церквушки да святого источника, из которого живую воду по бутылкам разливают. Все население Туманного на этом заводе по розливу воды работает. Я был на месте взрыва, осмотр не провел, поскольку в вагон пройти невозможно. Все в саже, запах просто адский. Тело обнаружили одно в купе номер три, очень обгорелое, не опознать, кто это. Вообще от взрыва купе вместе со всем содержимым превратилось в ошметки, даже не знаю, сколько в лаборатории провозятся с идентификацией. Билеты тоже сгорели, проводница из третьего вагона исчезла. У меня есть версия, что это она зашла перед взрывом в купе и погибла. Больше никто серьезно не пострадал, кроме вашей коллеги. Испугались, конечно. Шутка ли, эвакуация целого состава в пятнадцать вагонов, ждали, что опять рванет. Сейчас состав убрали с рельсов. Остальные вагоны, всю станцию минеры с собаками осматривают. А так... непонятно, кто и зачем устроил взрыв.

Егоркин пытливо взглянул на Гурова, что он думает. Не нашел ответа на свои вопросы и продолжил размышлять:

— Может, просто несчастный случай? Хотя я думаю, что так могло бахнуть в купе? Ни крупного электроузла, ни горючих материалов там нет. Я вот хотел с вами посоветоваться — как такое могло произойти, каковы мотивы. Даже не знаю, с какой стороны подступиться, такое сложное дело. — Молодой следователь помолчал и вкрадчиво и с надеждой спросил: — Может быть, это вам отомстили за расследование? Вы ведь крупными делами занимаетесь, серьезными... люди разные бывают, особенно преступники. Как думаете, Лев Иванович, могли такое вам враги устроить? — В глазах Егоркина мелькнул страх. — Вам, наверное, лучше тогда в районный центр поехать? Только туда добраться сложно, автобус ходит два раза в день, утром и вечером. А электрички сейчас отменили. Давайте вечером отправим вас с больными?

— Не бойся, — ухмыльнулся Гуров его испугу. — Все мои враги за решеткой или где подальше. Версию о мести можно отработать, но не как основную. Непонятно, случайный был взрыв или направленный на уничтожение кого-то конкретного. Ведь получается, что в конечном итоге погиб случайный человек — проводница.

— Ну да, — подхватил Егоркин. — Какие у нее могут быть враги, обычная женщина.

Гуров прикрыл глаза, так размышлять было проще, не так сильно жгло опаленные веки.

— Если целью взрыва был определенный человек, то круг подозреваемых сразу сильно сужается. Локализация конкретная, взрыв в купе номер три, где ехал единственный пассажир. Причем очень странный.

И Лев Иванович пересказал Егоркину все события долгой ночи, как он и проводница никак не могли утихомирить Дымова. Только делиться своими подозрениями о том, что в вагоне произошло еще что-то, кроме скандала с пьяным пассажиром, не стал, вспомнив, как странно вела себя проводница Света. Не стоит путать парня сейчас вопросами, на которые у него самого нет ответов. Лучше попросить генерала Орлова присоединить Гурова к следственной группе, издав официальный приказ, все-таки взрыв на железной дороге — не ординарное преступление. Задержится здесь и сам разберется в произошедшем. Пострадавших масса, к тому же среди них сотрудница МВД. Неужели Лена была целью преступления? Но ведь она находилась в соседнем купе...

Додумать свою мысль оперативник не успел. Егоркин остановил машину перед старым облупленным домом в три этажа и протянул плоский простенький ключ:

— Держите, квартира два. Там три комнаты. Мои вещи в дальней. Вы занимайте любую. Я не знаю, во сколько освобожусь вечером. Так что...

— Опрашивай свидетелей, ищи тех, кто видел перрон перед взрывом, — посоветовал Лев Иванович. — Собирай сведения, вечером обсудим и подскажу, какую версию лучше отработать. Если смогу, то тоже подъеду на вокзал, помогу с оперативными действиями.

Егоркин с облегчением вздохнул и совсем по-приятельски предложил:

— Там в холодильнике обед, жена приготовила. Вы ешьте, я не доберусь до него сегодня. Эх, говорила мне мама, иди лучше в адвокаты, чем в прокуратуру.

Сияющая белизной машина поехала обратно, к окраине поселка в сторону станции, а Гуров задержался на улице. Он с наслаждением вдыхал свежий воздух, хотя без верхней одежды дрожал от холода. Каждый вдох, свободный без обжигающей боли, освобождал тело от боли и ломоты. В голове прояснялось, и мысли начали выстраиваться цепочкой. «Будто вагоны поезда», — он улыбнулся собственным ассоциациям и наступил на деревянные ступени покосившегося крыльца. На скрип щелистых половиц тут же залаяла собака, а из окна на первом этаже показалась седая голова в пестром платке:

— Кто там ходит?

Но ответить он не успел, старушка, втянув воздух, сразу же почувяла запах гари.

— Это вы, что ли, с пожара на вокзале? Меня товарищ ваш упредил, что еще понаедет полиция. Проходите, покажу, где что лежит.

В глубине комнаты застучали дробные шажки, и вот уже старушка в теплом байковом халате и толстой мохеровой кофте стояла на площадке, приветливо кивая:

— Заходите, заходите, я как раз хотела забежать — постельное вытащить с полка. У командировочных своих простыней нет. Мне и соседка сказала, что ты, Настасья, квартиру сдала, а об такой вещи не догадалась. В шифоньерах все лежит, чистенькое, берите. Мы же тут с мужем двадцать лет прожили, стоит квартира, а я сама у соседки живу, ухаживаю за ней. Лежачая она, горемыка моя. И вода святая наша не помогает, хоть, говорят, она любого с постели поднимет. А вот поди ж ты. Батюшка Тихон сказал, что грешила она много по молодости, вот и не действует чудо. Скакала по танцам да по гулькам, а теперь боженька ног ее лишил, сама виновата. Ну я приглядываю за ней, молитвы каждый день читаю, водичкой нашей живой пою. А тут кума паспор-

тисткой работает, говорит, давай сдавать будем твою трешку, все прибавка к пенсии. Хорошо, что вы приехали. Так-то в Туманный наш мало заезжают, все больше норовят в райцентр сбежать, кто помоложе. Вы первые будете в квартире проживать, хоть мне на черный день денег отложу. Ох ты, — сокрушенно покачала хозяйка квартиры головой. — Вот черт меня за язык дернул. Ох, чего мелю, у людей горе, поезд сгорел, а я радуюсь, что копеечку получила. Совсем старуха из ума выжила, не знаю, что болтаю.

Старушка сноровисто перебирала в громоздком старом комоде стопки постиранного белья, подслеповатыми глазами проверяя, нет ли прорех на простынях и наволочках. Гуров присмотрелся к портрету на полке гигантской чешской стенки во всю длину комнаты. На фотографии с траурной каймой застыл мужчина в военной форме. Сын, наверное, — понял Лев и уточнил:

— Бабушка, а у вас нет одежды для меня? Весь гарью пропах, невозможно дышать. У вас магазинов с одеждой, наверное, в поселке мало. Может, найдете что-то накинуть на один раз? Я заплачу вам, еще к пенсии прибавите.

— Есть, есть. — Старушка с готовностью бросилась к соседней двери и распахнула ее. — Вот, сына комната. Я здесь и не трогаю ничего, только прибираюсь. В шкафу берите, что понравится. Не надо денег, пускай вам польза будет. Выкинуть рука не поднимается, память о сыночке. Так хоть человеку хорошо будет, и вы, может, его добрым словом помянете, почитай, как молитва.

— Спасибо. — Лев Иванович кивнул, но пройти дальше в комнату не смог. От накатившей слабости он присел на диван, чувствуя, как дрожат ноги, а по спине катится пот. Он уже начал приноравливаться к приступам слабости и старался не шевелиться, чтобы побыстрее исчезли черные пятна перед глазами.

Хозяйка в смущении отряхнула невидимые пылинки с халата:

— Вы заходите, если что понадобится. Я в соседней квартире всегда. Пользуйтесь, побегу, пора уколы делать инвалидке моей.

Хлопнула дверь, по квартире прошелся сквозняк, и воцарилась тишина, только на стене громко тикали большие часы. Лев Иванович достал из кармана телефон — так и есть, разряжен. Надо срочно найти зарядку, смыть в душе осевшую на него грязь, переодеться. Начальство и жена наверняка места не находят от беспокойства. Он тяжело приподнялся и стал обходить комнаты. Удача ждала его на кухне. На столе Егоркин оставил шнур с вилкой, поэтому уже через минуту загорелся индикатор, а телефон загудел от сотни сообщений от коллег, жены Марии. Кроме того, высветились пропущенные вызовы с номера телефона генерала Орлова, его начальника в управлении.

В течение часа Гуров успокаивал жену, бодрым голосом рассказывал ей о произошедшем, опуская часть событий. Наконец волнение жены улеглось. Генерал Орлов, выслушав Гурова, выдохнул:

— Жив! Молодец, что Лену вытащил! Оставайся пока там хотя бы сутки, выделим нашего сотрудника и отправим в помощь разбираться с этим взрывом. Расскажешь, что знаешь.

Но Лев Иванович предложил:

— Издайте на меня приказ, включите в следственную бригаду.

— Какое расследование, Лев, ты в больнице, мне сказали! Лежи и не геройствуй! — Орлов знал своего подчиненного, что тот не может усидеть на месте, если рядом произошло преступление.

— Я уже выписался из больницы, квартиру себе нашел. С прокурорским местным поговорил, так что первичная информация для работы уже собрана.

— Ох, Лева. Еле живой, а его опять на расследование тянет. Ладно, будет тебе приказ. Только завтра утром жду доклад, какие версии ты выдвинул. Если это просто хулиганство или линейщики пропустили какую-нибудь запрещенную перевозку, то пускай сами разбираются.

Лев Иванович только усмехался на строгие приказы начальника, понимая, что Орлов еще не отошел от страшной новости: два сотрудника управления уголовного розыска

оказались в центре взрыва и чуть не погибли. Конечно, генерал готов рвать и метать, обвиняя в случившемся линейное подразделение полиции, которое отвечает за безопасность и происшествия на всех вокзалах и участках железной дороги. Наверняка досталось даже секретарю Верочке, которая и заказывала им с Еленой билеты. Орлов в гневе был резок и разносил все вокруг, не скупясь на крепкие слова. Только за таким бурным поведением скрывалась забота о своих сотрудниках, что регулярно рисковали жизнью, сталкиваясь с самыми жестокими преступниками и их деятельностью.

— Петр Николаевич, скажите, Елена когда-нибудь вела расследование крупного дела, чтобы обвиняемые ей угрожали?

— Думаешь, что на нее был рассчитан взрыв? Ну даже и в голову ничего не приходит. Лена раньше на темняках сидела, мелкие кражи, а после декрета вышла к нам по рекомендации ее начальницы, год как только работает. Единственное крупное дело, которым она занималась, было по такси-сту, что своих пассажиров убивал. Серия убийств в крупных городах тянулась несколько лет, помнишь?

— Да, так он же вроде с собой покончил в тюрьме еще до суда, — вспомнил Лев обсуждаемое в кулуарах громкое и долгое расследование.

— Вот именно что, поэтому ее с тобой на похожую серию преступлений отправили, проверить, нет ли совпадений. Так что врагов особо она не нажила, к счастью.

— Ну тоже хорошо, можно эту версию оставить. Подумаю, пока конкретных деталей маловато, чтобы выводы делать. Утром сообщу, что еще в голову пришло.

Он не стал рассказывать Орлову о Дымове, обнаженной женщине на полустанке, странном поведении проводницы. Это отдельные факты, которые никак не укладываются в логическую цепочку. Сейчас лучшее, что можно сделать, — принять душ, выбрать вещи с чужого плеча и составить список вопросов на бумаге. Этот ритуал всегда помогал Гурову упорядочить мысли и действия, направлял его по верному пути.

Через несколько часов наконец проснулся аппетит, но трогать домашний обед, который великодушно предложил ему Егоркин, Лев Иванович постеснялся. Он порывлся в шкафу, почти вся одежда оказалась ему по размеру, хотя выбор был и невелик: парочка спортивных костюмов да парадный костюм с отливом, лента «свидетель жениха» в кармане. «На свадьбу не собираюсь, так что буду спортсменом», — принял решение Гуров и переоделся в синий спортивный комплект из толстовки и штанов, наконец избавившись от вездливого жженого запаха. Сверху он накинул дубленку и кепку. Остальное после стирки проветривалось на провисших балконных веревках под зимним ветерком. Перед выходом Гуров окинул себя взглядом и не удержал смешок — из зеркала на него смотрел провинциальный полубандит из 90-х годов.

На скрип старых ступенек сразу откликнулась старая Настасья, дремавшая на своем посту у окна.

— Ох, как издали на сыночку моего похож, такой же ладный! Прямо радостно на сердце. Прогуляться собрался? Это правильно, подыши, подыши воздухом. Места у нас хорошие. В церкву зайди, воды живой выпей, от всех болячек лечит, чудеса творит. По всей Расеее ее знают.

— Да, пройдуся. До вокзала мне вот по этой дороге налево? Долго идти?

— А у нас поселок махонький, хоть налево, хоть направо иди. Дорога одна, от завода и до вокзала. Да церква между ними. Не ошибешься. Ты поди голодный, держи, угощайся. — Сухонькая ручка просунула между решеток сверток из салфеток. — Сама пекла блинчики, на нашей воде святой. Лежачую мою не поднимает вода-чудесница, так хоть блинчики на ней готовлю, добавляю помаленьку. Может, тебя подлечит, зеленый весь от работы.

— Спасибо! — Довольный неожиданным угощением, Лев Иванович забрал сверток и зашагал по узкой асфальтовой дорожке вдоль стареньких трехэтажек, по пути за пару минут расправившись с еще теплыми блинами.

До самого вокзала он практически не встретил ни одного взрослого человека. Вдоль полосы из низеньких домов шумела лишь пара школьников, пытавшаяся впрячь в санки большую лохматую дворнягу. По магистрали, которая разрезала город, проносились длинномеры. Судя по болтающимся бокам, они шли в глубину города пустыми, а обратно возвращались до отказа набитые грузом.

«Что они везут из этого поселка? Кажется, что-то Егоркин, а потом Настасья говорили о розливе святой воды. Может, она и святая, но после блинов плечо болеть не перестало», — на ходу размышлял Гуров.

Неспешно, чтобы снова не впасть в обморочное состояние, он дошел до низенького здания фельдшерского пункта. Снаружи старая постройка еще сильнее, чем изнутри, резала глаз неухоженным видом. Деревянные стены вспучились и местами прогнили, зияя черными проломами, все линии крошечного домика были перекошены, видимо, из-за просевшего фундамента. Рамы с облупленной краской, огромные пятна плесени по всему фасаду навели на унылые мысли о крайней бедности поселка. Возле крыльца толпились пациенты, стараясь протиснуться поближе к худому священнослужителю в черной ризе. Тот монотонно читал молитву, окропляя огромной кистью людей перед собой.

В стороне от службы между черных лохматых кустов за происходящим наблюдал старый доктор. Он швырнул на землю окурков и примял его подошвой. Гурову без слов было видно, как раздражен происходящим старик. «Да уж, главный врач старается, лечит, лекарства выбивает, выслушивает претензии, а тут пришел поп со святой водой, и к нему люди в очередь с благодарностью», — посочувствовал он про себя раздосадованному медику. Сам, как сотрудник МВД, он тоже сталкивался с таким двойным отношением к его работе — претензии на медленное расследование от пострадавших, и при этом со стороны подозреваемых регулярные жалобы в превышении полномочий или ложных обвинениях. Отсюда оперативник и выработал свои принципы в работе, которые помогали ему долгие годы не сломаться перед

соблазном раскрыть дело побыстрее, — честность и усердие. Поэтому доверяли Гурову и обращались за помощью все, кто работал рядом, зная наверняка, что тот разберется с трудной загадкой на совесть.

На вокзале уже не было толпы кричащих перепуганных пассажиров, их переправили автобусами на следующую станцию, люди, наконец, смогли добраться до конечного пункта своей поездки. Теперь на смену им пришли сотрудники МЧС и эксперты из МВД. Все вокруг пестрело сигнальными лентами, огораживающими место происшествия. Над искореженным вагоном трудились люди в форме, разбирая его на части, чтобы отправить на более детальное лабораторное обследование. Егоркина он нашел в знакомом помещении дежурки, только теперь она превратилась в следственный штаб. Прокурорский работник, усталый, уже не такой лощеный, как утром, в примятой рубашке, с растрепанной прической, стучал по клавишам ноутбука, записывая показания дежурного полицейского. Тот при виде Гурова вскочил, отдал честь, а потом с удивлением замер, так и не опустив руку. Егоркин тоже был удивлен внешним видом оперативника:

— Лев Иванович, вы как будто из фильма «Бригада».

— Хоть продуктами взрыва не пахну. Ты как, Андрей, уже закончил?

Но Егоркин в ответ лишь бессильно махнул рукой, работы еще конца-краю не видно. Весь день он без обеда и перерывов опрашивал свидетелей, записывая многостраничные протоколы, и сейчас мечтал лишь об одном — еде и сне.

— Тогда давай я еще пару вопросов задам свидетелю. Пойдем на свежий воздух. — Гуров кивнул, и полицейский пошел следом за тяжелые двери отдела.

Ну улице Лев Иванович не торопился начинать разговор, вернее, засыпать вопросами дежурного линейного отдела. Тот, серый от усталости, совсем не такой бойкий, как утром, явно был раздражен бесконечной суетой, что поднялась после взрыва. Одни и те же вопросы, одни и те же ответы несколько часов подряд, от такого любой начнет злиться и постарается как можно быстрее отвязаться от навязчивых

оперативников и следователей. Пускай лучше поймет, как важно его мнение, его воспоминания о взрыве.

Гуров окинул взглядом огромную площадку, заполненную людьми, черными обломками, тревожно мигающими фонарями. Картинка была пугающей, сразу становилось понятно, что здесь произошло большое несчастье.

— Сколько наворотил делов один человек, да? Жили себе спокойно, своими делами занимались, а взрывник все испортил так, что теперь и за неделю не исправить.

— Да я бы ему врезал за такое хорошенько, — злобно погрозил рядовой кулаком в пустоту. — Отпинал бы, чтобы кровь из всех отверстий лилась. Мы так в армейке учили тех, кто косячил.

— Ты сам что думаешь, кто это мог сделать?

— Не знаю даже. — Парень беспомощно развел руками. — Ничего за ночь не было, ни сообщений, ни звонков.

— Задремал? — Гуров вспомнил, каким заспанным и помятым было утром лицо дежурного.

— Было немного, — признался тот со вздохом. — Только начальству не пишите рапорт, прошу! Меня ж из полиции попрут, а у нас тут работы нет совсем. На железку придется идти или на завод. Лить эту воду не хочу я, ненавижу ихний завод и попа этого.

— Почему же? Говорят, вода у вас какая-то необычная.

— Да это все поп начал, а старухи всякие разнесли, потом в газеты ушло и по телику даже показывали. У попа слезы кровавые идут, типа как у Христа из-за страданий людей. Чудо, короче. Ну вот он воду из источника освящает этими слезами, капает туда, и вода тоже краснеет. Святой становится, людей лечит. Только я не верю в эту сказку. Мать всю пенсию тратила на воду, покупала ее литрами. Батю в ней и мыла, и поила, а он дальше пьет, как и раньше. День без чекушки прожить не может. Только теперь я не даю ему руки распускать, хватит, теперь я дома главный.

— Ты молодец, — похвалил оттаявшего парня Гуров. — Расскажи, что помнишь, не торопись. Со вчерашнего вечера.

— Да все как обычно, говорю же. Заступил на дежурство, записи всякие сделал. Беляшей купил у тети Сони. Она торгует тут весь день, пока поезда идут, сколько себя помню, работает на вокзале. Ну киношку смотрел, хотел пол помыть. Достал тряпки, ведра и воду приготовил. Вообще у меня мама тут в отделе уборщицей оформлена, но, когда моя смена, я вместо нее мою, пока никто не видит. Она нас с братом и так тянула на трех работах, хоть помочь ей чуток могу. После уборки присел в кресло передохнуть и задремал. Тут вы с Горшком, ну, вернее, с Сергеем Горшковым, залетели, и началось. Крики, взрыв, пассажиры как бешеные сюда ломанулись. Я сначала под стол упал, как грохнуло. А потом, как вы приказали, звонить бросился — в больничку, пожарным, начальству.

— Ты его знаешь, сотрудника из полицейского наряда с поезда?

— Серегу Горшкова? Конечно, мы с ним в одной школе учились, он только на год младше, потом вместе пошли в полицию. Он в ППС на сопровождение поездов, чтобы к матушке поближе, у него мамка всю жизнь проводницей работает. Говорю же, у нас или на железке, или на заводе работают в поселке.

— С ним как поговорить?

— Ну домой, наверное, его отправили. Давайте я ему позвоню, так забегался, что забыл даже узнать, как он там.

— Набирай, пускай скажет — где его найти, скажем, через час. Поговорить надо.

Пока дежурный общался по мобильнику, Гуров еще раз оглядел территорию небольшой станции: густая сетка железнодорожных путей, широкий мост через них и кучка утлых домишек, что выстроились в беспорядке вдоль путей за полосой пролеска. Ряд из старых осыпающихся трехэтажек да разваливающиеся дома — вот и весь поселок.

— Мать к фельдшеру он возил, на работе отпросился. Сердце у нее прихватило во время взрыва. — Рядовой протянул измятый обрывок квитанции. — Вот адрес Горшка, они с матерью только что домой приехали. Я сказал, чтобы не уходил, сидел вас ждал.

— Спасибо. В какую сторону к нему?

— Это вон туда, — парень указал на окраину пяточка из серых домишек. — Вы через станцию по мосту перейдете и все время направо держите, забор из баннера РДЖ у него, сразу узнаете.

— Хорошо. Если вспомнишь что-то важное, то свяжись со мной.

— Я знаю, как вас найти, вы у бабки Настасьи остановились.

Гуров в очередной раз удивился, с какой скоростью расползаются, вернее даже, разлетаются, новости по поселку. Уже все жители, кажется, в курсе приезда районной и московской полиции, вплоть до места их проживания. Хотя и немудреная загадка: гостиниц в поселке нет, так что скорее всего пустая квартира пенсионерки единственный вариант временного жилья.

Измотанный долгими часами работы, Егоркин почти вывалился на улицу:

— Все, больше не могу, голова совсем не соображает. Давайте на квартиру.

— Давай я сяду за руль, — предложил Гуров и, не дожидаясь ответа, распахнул дверь с водительской стороны.

— Только вы осторожно, — жалобно попросил Андрей, втискиваясь на узкое переднее сиденье. — Машина в кредит, вторую неделю только езжу.

— Я по-другому не умею, не переживай, — успокоил парня Гуров.

Заметив, как с облегчением опустили у него веки и расслабилось тело, он сразу произнес:

— Ты приказ о моем включении в следственную группу получил? Я согласовал с начальством, чтобы официально принять участие в расследовании.

Егоркин без слов похлопал по документам в рабочем портфеле.

— Не засыпай, Андрей, рассказывай, какие итоги дня. — Лев Иванович не давал парню расслабиться. — Я тебя отвезу сейчас, а потом у меня еще дела. Еще с одним свидетелем встречусь.

Молодой мужчина вострепнулся, сбрасывая дремоту, тяжело вздохнул:

— Ну так что, в купе, где произошел взрыв, обнаружены фрагменты обгоревшего тела. Предположительно женщина, сотрудница РЖД, проводница вагона номер три. Запрос в управление я уже подал, оттуда прислали отчет, кто был в рейсе. Причина смерти пока не установлена. Да там и думать нечего, разметало ее взрывом на кусочки, даже опознавать нечего. Передали пока патологоанатомам. По данным, которые подала администрация, за вагоном была закреплена Селиванова Светлана Юрьевна. Больше погибших не обнаружено.

Голос у парня становился все тише, измученного длинным днем следователя клонило в сон.

— Причина взрыва тоже устанавливается, техник из МЧС сказал, что, похоже, использовали небольшую порцию тротила в сочетании с дешевым мобильником, у которого закоротили провода так, чтобы при звонке возникала искра. Устройство простое, такое соберет даже школьник.

— Но динамит в «Детском мире» не купишь, — заметил Гуров.

— Это вы что имеете в виду? — Андрей с усилием сосредоточился.

— Ничего, мысли вслух. Продолжай.

— А-аа... — Сил у парня на осмысление совсем не было, но он просиял, когда начал рассказывать о самом важном: — Так вот, самое интересное, что мы нашли телефон и там черновик с требованием выкупа!

Они уже подъехали к дому, в окне между занавесок мелькал знакомый цветастый платок.

— Давай зайдём в квартиру, и ты расскажешь подробно. — Гуров не хотел, чтобы их разговор подслушивали. — А то здесь у стен, и окон, и у домов уши есть.

На кухне, пока Егоркин медленно снимал верхнюю одежду и измятый пиджак, Лев приготовил ему огромную чашку крепкого чая.

— Давай глотай и рассказывай по порядку. Кто нашел, что за черновики, установили, чей телефон?

Егоркин со стоном хлебнул горячий напиток:

— Неужели рабочий день закончился. Ну так вот, телефон нашел взрывник с собакой. Она взяла след и привела к телефону, который лежал далеко от путей. Наверное, его отбросило взрывной волной. В телефоне в черновиках неотправленных эсмэс был текст о том, что поезд заминирован, и требование выкупа за жизнь пассажиров в десять миллионов рублей, которые необходимо перевести на банковский счет.

— Пробыли владельца счета и номера телефона?

— Счет анонимный, вне России. Подключили к делу наших компьютерных спецов, они говорят — это лишь часть схемы, потом деньги несколькими частями рассылаются по частным банкам в разных странах на неименные счета. А позже преступник уже лично обналичивал бы их по цифровому коду.

— А след с телефоном? На кого оформлена сим-карта?

— На пассажира, который ехал во взорванном купе. Гражданин России Дымов Олег Дмитриевич, между прочим, инженер-проектировщик системы железнодорожных составов. Пенсионер.

— Дымов...

— Вы его видели в вагоне во время поездки? Это вы о нем говорили — странный пассажир, который всю ночь буянил?

— Да, мельком в коридоре его видел, когда помогал проводнице утихомирить хулигана. — Гуров и сам не мог объяснить, почему не рассказывает коллеге о криках Дымова и его утверждении, что он не везет с собой мертвую жену в гробу.

Но Андрей и не заметил заминку в реплике напарника. Он рассказывал дальше, ликуя, что расследование оказалось таким простым:

— К тому же Дымов пропал сразу после взрыва, его не было среди раненых или пассажиров, которых переправили на соседнюю станцию. Я проверил списки. Ни его, ни жены.

— Может быть, он сошел на остановке в Туманном перед взрывом и забрал с собой тело? Как тебе такой вариант?

— Какое тело? — удивился Андрей.

— Тело жены, Дымов вез в купе гроб с телом жены до места захоронения.

— Нет, Лев Иванович, вы что-то путаете. Не было никакого тела и гроба. Жена Дымова ехала как обычный пассажир. Ее, кстати, тоже нет в списках пассажиров, которых переправили в райцентр. Пропали оба. Неспроста это, уверен, что они связаны со взрывом. Все на это указывает — мобильник, побег...

— Подожди, Андрей, ты не торопись, наверное, я и правда что-то напутал. Расскажи, что по Дымову удалось найти.

— Он на пенсии, ехал с женой Ольгой, тоже пенсионеркой, в районный центр рядом с Туманным, поселок городского типа Золотов. Она там родилась, судя по данным в паспорте.

— То есть конечная остановка у него была не в Туманном, а на следующей станции?

— Через одну. Сначала Туманный, потом состав прибывает в районный центр, а уже следующая станция — конечный пункт поездки Дымова, если судить по билету. А исчез он с женой во время взрыва, на предыдущей станции. Так что все данные указывают на Дымова или семейную пару Дымовых. Они оба исчезли без следа. Телефон, взрыв именно в его купе. Может быть, он неудачно осуществил задуманное и не успел отправить эсэмэс, на железке часто из-за помех связь глючит. Или взрывное устройство сработало не вовремя, а Дымовы спаслись и сбежали.

— Много вопросов и версий, это хорошо, Андрей. Но давай на свежую голову выстроим варианты, а сейчас ложись спать. Завтра подъем в семь утра, и за работу, я к тебе подключаюсь уже полноценно. Обед, кстати, так тебя и ждет в холодильнике.

— О-оо. — Егоркин радостно выгреб два контейнера и с удивительной нежностью открыл крышку того, где лежал кривобокий бутерброд с огромными кусками сыра и колбасы. — Дочка приготовила в дорогу, сама. Пять лет, а вон какая хозяйшкa растет, о папке заботится.

— Вкусный, думаю. — У Гурова защемило внутри, поскорее бы домой к любимой жене Марии. — Приятного ап-

петита, я прогуляюсь, мне еще в одно место надо. А ты давай ужинать и спать. Оставь все бумаги на столе, я как вернусь, прочитаю показания свидетелей и описание места взрыва.

— Угу, — закивал парень, он уже с удовольствием поглощал домашний ужин, запивая крепким чаем.

Лев Иванович же накинул дубленку и зашагал обратно к станции, в сторону моста, к дому Сергея Горшкова. На ходу он обдумывал все вопросы, которые ворохом навалились после разговора с прокурорским следователем. Но даже если ответа на них и нет, то ясно одно — Дымов имеет прямое отношение к взрыву, скорее всего поддельные документы о смерти жены он использовал, чтобы пронести взрывчатку в вагон, минуя на вокзалах металлодетекторы и рамки. Но какую роль сыграла в этом деле его жена, куда она пропала? Гуров вспомнил о пожилой женщине в окне, что он успел заметить на соседней станции. Если чета Дымовых задумала теракт и хотела потребовать выкуп, тогда зачем пенсионер шумел и привлекал к себе лишнее внимание, рискуя провалить операцию? Что, собственно, и произошло. Неужели просто дал слабинку и выпил лишнего от волнения перед будущим преступлением? Прав Егоркин, хоть и торопится с выводами. Все улики указывают на Дымова — телефон с черновиком эсэмэс, гроб с поддельными документами, побег после взрыва. К тому же он сам бывший работник железной дороги и мог детально спланировать операцию, зная правила перевозки. Оформил обычный билет на жену, а потом уже всучил молоденькой неопытной проводнице поддельные документы. Скорее всего, взрыв и не должен был никого убить, а лишь напугать, чтобы ускорить передачу денег. После первого взрыва никто не стал бы ждать, когда Дымов отправит на воздух весь состав, и он получил бы свои деньги.

Но что-то пошло не так... Обычный алкоголь спутал все карты? Надо найти взрывника, и тогда он сам расскажет о своей неудачной попытке обогащения. Раствориться в воздухе такой габаритный персонаж не мог, в маленьком поселке бесследно даже по улице пройти невозможно, поэтому стоит завтра начать его поиски.

Глава 3

С головой уйдя в размышления, Гуров и не заметил, как оказался перед мостом через железнодорожное полотно. Очнулся от неприятного тягучего ощущения на затылке и сразу понял — за ним следят. Кто-то идет по следу, и это местный, который знает каждую шелку в поселке, потому что как Лев ни старался, петляя и делая резкие повороты, но преследователя сзади заметить не смог. Пускай тогда смотрит и видит, что оперативники отрабатывают все ходы, отрабатывают версии, общаются со свидетелями. «Не буду показывать, что заметил слежку. Расслабится, перестанет быть осторожным, тогда и подкараулю, узнаю, зачем за мной следит», — решил про себя Лев Иванович.

Дом Горшковых он узнал, как и обещал полицейский, сразу — на заборе белел натянутый потрепанный баннер, на котором с другой стороны просвечивала аббревиатура железной дороги. Гуров только коснулся калитки, как залилась лаем собака. Рука стоявшей на крыльце фигуры прочертила темноту огоньком сигареты:

— Кого там принесло? Чего надо?

— Старший оперативный уполномоченный по особо важным делам Гуров. Сергей, поговорить надо относительно сегодняшнего происшествия.

— Ну так заходите, поговорим, — отозвался парень, подошел ближе и ногой задвинул брехливую собаку в будку. — Заходите, только в дом не приглашу, маму не хочу беспокоить. Врач ей запретил волноваться.

— От калитки отойдем, на крыльце поговорим, — согласился опер. — Беседа на свежем воздухе меня тоже устроит.

Они вернулись на крыльцо, где Сергей снова закурил и буркнул:

— Чего я? И путем не знаю ничего. Знал бы кто, так сам бы ему голову оторвал. Проводницу убил, урод. Мать после взрыва сразу свалилась, я еле водителя дежурной машины упробил ее до больницы довести. А там уже толпа. Хорошо, Никанорыч мужик правильный, никогда не откажет. Табле-

ток ей дал, к себе в кабинет усадил, пока мамке получше не стало.

— Ты, когда бежал к вагону, видел высокого крупного мужчину лет пятидесяти-шестидесяти?

— Нет, такого человека не было. Вперед тетки с ребятами из вагонов сыпанули. Мужики поменьше испугались, в тамбурах или у вагонов стояли.

— Тебе проводница в третьем вагоне, молодая такая, показывала, что я пьяный? Помнишь меня?

— Ну да, я смотрю, что лицо знакомое. Только одеты вы сейчас в одежду старую. — Парень узнал почти сразу в важном госте недавнего хулигана. Тон у Сергея стал задиристым. — Вы в вагоне были помятый, зеленый весь, еще и тошнить давай. Я же на работе, при исполнении. Что тут думать-то, и не таких героев навидался. Да и проводницу жалко, молодая совсем. У меня мать всю жизнь на железке, так она пьяных таких дебоширов ненавидит. Я тоже не терплю, когда напиваются и начинают концерты устраивать. Сразу с поезда снимаю, пускай в клетке проспится, без багажа останется и в следующий раз подумает, как нажираться до такого состояния.

За спиной мужчин зашуршала дверь в дом, пожилая проводница, которую Гуров уже видел утром в соседнем вагоне, с оханьем выглянула на веранду, кутаясь в накиннутую шаль.

— Сыночка, ты с кем там сидишь? Юра, ты?

— Нет, мама, человек по делу зашел. Иди, не переживай, иди в дом.

— Какой человек? — Не так-то просто было унять заботливую мать. Она прищурилась и вгляделась в темноту. — Это что же, тот хулиган с поезда? Ты что сюда пришел, я полицию сейчас вызову! Что ему нужно, сынок? Гони его отсюда, пьяницу!

— Да мам, это не пьяница, а полицейский из Москвы, он расследует дело о взрыве.

— Ох, а как же... мы ведь... — Женщина засуетилась, выглядывая наружу, но не решаясь выйти на холод. — Вы уж простите, что так на вас накиннулся Сережа. Работа у моего

сыночка такая, кто ж знал, что вы из столицы прибыли, полицейский.

— Ничего страшного, — успокоил женщину Гуров. — Я понимаю, что он работу свою делал.

— Ну устал парнишка, работа у него тяжелая. Вот и нагрубил. Вы уж простите, не хотели вас обидеть. — Но женщина никак не могла оставить страшную мысль, что московское начальство сейчас из мести уволит сына с хорошей должности. — Что же вы на холоде сидите, проходите в дом. Сережа, ну что ты гостя не пригласил. Давайте, я чаю поставлю, приготовлю бутербродов.

— Да не стоит, не хлопочите, вам же врач наверняка запретил двигаться, — попробовал отказаться Лев Иванович.

Но Сергей наклонился и пробормотал ему на ухо:

— Пойдемте, а то маман не отстанет.

Пройдя в дом, на большую кухню, парень заботливо придвинул к столу кресло и предложил:

— Садись, мама. Я сам все сделаю. — Медленно, но настойчиво подвел он пенсионерку к широкому обтрепанному креслу. — Давай садись, не скачи у стола, а то Никанорычу нажалуюсь, что режим нарушаешь.

И парень сам принялся разливать чай, выставлять на стол нехитрое угощение: пряники в хрустальной вазочке и на треснувшем блюде крупные куски сала и черного хлеба.

— Сына, ну ты что, достал бы из серванта сервиз, что мне на юбилей подарили. Что ты гостю в некрасивой посуде ставишь, — суетилась пожилая проводница.

— Вас как по имени-отчеству? — попытался отвлечь женщину от наведения лоска Гуров.

— Валентина Сергеевна я, Сережу вот в честь дедушки назвали. — Женщина вдруг всхлипнула. — Простите, всякую чепуху вам рассказываю, вам ведь надо про взрыв все узнать. Столько лет я на железке отработала, а с таким делом никогда не сталкивалась. Ну максимум напьется кто, побуянит, с поезда спрыгнет на ходу. А тут... — Она вдруг схватилась за сердце. — Ох, как вспомню, что Светку на куски разорвало, так будто иголками всю колоть начинает. Это же что за зверь такое сотворил... Креста на нем нет, как

земля такого носит. Вы уж найдите его, накажите по всей строгости.

— А вы Светлану хорошо знаете? Сталкивались по работе? — деликатно уточнил оперативник.

— Конечно, она еще при мне в проводники пошла. Такая душевная, отзывчивая, что ни попросят, все сделает. Как детишки без нее будут, сироты ведь остались, отец потонул, как третьего она родила.

Про себя Лев Иванович удивился тому, что такая молодая женщина, которую он видел в своем вагоне, успела стать трижды матерью.

— Почему Светлана одна работала на смене, разве вы не в паре работаете?

— Деньги нужны были, вот она всегда двойную ставку тащила. Могла бы и за троих работать. Ей кормить надо ребятшек, старшая в этом году школу оканчивает, дальше ее ведь учить надо. Дочка совсем молодая, хочется приодеться, поступить в институт, тут за каждую копейку будешь хвататься.

— Подождите, а у вас есть фотографии Светланы? Можете показать?

У Гурова никак не укладывался в голове рассказ Валентины. Девушка из поезда, скорее, больше сама походила на школьницу, чем на мать семейства. Сын уже подавал матери толстый альбом в бархатистой обложке. Женщина пролистала плотные листы до середины и любовно погладила фото:

— Вот наша бригада, Светочка здесь, и еще предыдущий начальник поезда, Веселовский.

— А что, новый не нравится вам? — Гуров разглядывал снимок, попутно вспомнив, как начальник поезда не исполнил его просьбу: сообщить о замерзающей женщине на полустанке.

— Сильно много о себе думает, — оживился Сергей, который прислушивался к разговору, меланхолично размешивая сахар в кружке. — Всех считает ниже себя, не начальник, а царь поезда.

Мать искося бросила в его сторону тревожный взгляд.

— Ну что ты, Сережа, начальство как начальство. У каждого свой характер, ты вот горячий, как кипятик, не думаешь ни о чем и мелешь что попало своим языком.

— А чего он замечание мне сделал, что форма в пятнах?! Сам ходит, пальцем не пошевелит. А у меня работа такая, между прочим. Опасная!

— Знаю, сынок, знаю, ну не горячись. — Мать заерзала в кресле, снова со страхом поглядывая на Гурова, не причинят ли резкие слова сына ему вреда. — На пустом месте зачем заводиться, мы люди скромные, не надо начальству перечить, заступиться потом некому.

Лев Иванович краем уха слушал их перебранку, с вниманием разглядывая одну фотографию за другой. Женщины в форменных блузках и костюмах позировали на фоне вагонов с табличками разных направлений. Почти все старше 40, полные, с похожими короткими стрижками, но среди них он не смог отыскать девушку-проводника из вагона, в котором ехал.

— Простите, Валентина Сергеевна, можете показать на фотографии погибшую Светлану?

— Да вот же она. — Со вздохом собеседница провела пальцем по лицу смуглой невысокой женщины, далеко за сорок лет.

Тусклые, рано постаревшие черты лица, короткие волосы с сединой, приземистая фигура — никакого сходства с юной красавицей из поезда.

— Я пойду, поздно уже. Спасибо за чай, — поднялся Лев Иванович и попросил парня: — Сергей, проводи, боюсь, собака опять кинется.

Тот неохотно поднялся, накинул куртку. На пороге веранды, не желая выходить на холод, он откровенно зевнул:

— Да идите, не бойтесь. Наш Трезорка старый, зубов уже нет, только брехать может.

— Да не боюсь я пса, Сергей, еще пара вопросов у меня к тебе. Мать твою не хотел тревожить.

В ответ Сергей угукнул и, поплотнее укутавшись в старый ватник, прошагал до забора следом за Львом Ивановичем:

— Ну, говорите.

— Ты помнишь проводницу, которая была в вагоне? Девушка, симпатичная. Вы с ней еще перемигивались насчет моего опьянения.

— Помню, — согласился Сергей. — Ничего такая, да.

— Ты ее раньше видел? И потом после взрыва она была на перроне?

— Новенькая, раньше не видел. А после взрыва я сразу с мамой в больницу рванул, про нее и не вспомнил.

— Ты же слышал, что твоя мама говорила, что за третьим вагоном была закреплена Светлана Селиванова. Куда она делась? Она работала в ту ночь, ты видел ее?

Парень задумался на пару секунд и пожал плечами:

— Да вроде не видел Селиванову, мне мамини подруги одинаковыми кажутся, может, и напутал чего. Но девчонку помню в третьем, красотка, только сильно наштукатурена, я такого не люблю.

— А как получилось, что она вместо Селивановой работала?

От вопросов настырного опера Горшков недовольно дернулся:

— Ну что вы как маленький, может, подменились. Всякое бывает, приболела, вот вместо нее новенькая и вышла. Начальник может и не знать, он у нас птица важная, на все только кривится, будто лимона откусил.

Лев Иванович вслушивался в тишину за околицей и видел, что старый Трезор тоже, наострив уши, наблюдает за кем-то, скрытым темнотой.

— Ничего больше не вспомнил? Кого-то, может, видел перед тем, как вагон взорвался?

— Да нет. — Парень вздохнул. — Мы ж, считайте, с вами рядом бежали все время, пока не грохнуло. — Он вдруг радостно ткнул в желтое оконце дома на другом конце улицы. — Вы вон к тете Соне загляните, она беляшами торгует на перроне с утра и до самого вечера. Она точно видела, кто из вагонов на остановке выходил. Идите, она не спит еще, беляши на завтра жарит. Отсюда запах чую.

— Спасибо, зайду сейчас, — обрадовался новому свидетелю опер.

Пожав парню на прощанье руку, Гуров зашагал по улице в сторону яркого желтого пятна. Аппетитный запах действительно полз по всему переулку, щекоча ноздри. Как собака по следу, он по запаху от беляшей дошел до крошечного кособокого домика, распахнул калитку и постучал в приоткрытое окно:

— Хозяйка, беляшами угостите?

Сгорбленная старенькая женщина испуганно метнулась к окну и с грохотом задвинула раму:

— Нет никаких беляшей, ничего нету! Картошечки себе решила пожарить на ночь, не запрещено законом! — выкрикнула она, разгоняя по кухне чад от шипящих на сковороде золотистых беляшей.

— Тетя Соня, не бойтесь, я штрафовать вас не буду, — зашептал Лев Иванович в оставшуюся щель. — Угостите свеженькими, я у вас еще десяток куплю.

Домашняя кулинарка остановилась, приоткрыла обратно окно и переспросила:

— Точно? Не обманешь? Вы москвичи такие, ушлые.

— Да клянусь. Так вкусно пахнет, что просто живот скрутило. Мне бы покушать, у вас магазины уже закрыты, а у меня за весь день крошки во рту не было.

— Ну заходи, открыто. — Пожилая женщина до сих пор вела себя настороженно. — Только деньги вперед давай, девять берешь, один в подарок. Ну ладно! Двумя угощаю, раз уж гостем моим стал.

— Спасибо!

Лев Иванович заторопился внутрь, навстречу манящему аромату. Там женщина ловко управлялась сразу с тремя сковородами на старой побеленной печи, скидывая готовые золотистые беляши в огромный таз и выкладывая новые порции пухлого теста. Гуров скромно пристроился на колченогом табурете, кивнул с благодарностью, когда перед ним оказалась эмалированная миска с двумя жирными, истекающими соком пухляшами. Он с удовольствием впился зубами в горячий бок беляша, а энергичная старушка, не отвлекаясь от своего конвейера, хмыкнула:

— Поди, спросить пришел, кого видала на перроне сегодня у поезда взорванного?

Рот был занят, и Гуров смог только утвердительно промычать в ответ. Женщина снова хмыкнула, довольная собственной пронизательностью:

— Не за беляшами же по ночи из Москвы начальство шныряет. Ты не обижайся, что я на язык острая. Привыкла на вокзале отбривать, а то каждый из себя начальство строит. Штрафами грозят за незаконную торговлю, пассажиры тоже возмущаются, что антисанитария. А я десять лет их жарю, и все у меня кормятся. И вокзальные, и с железки. Проводники, обходчики, машинисты, все тети-Сонины беляши уважают.

— Понимаю их, тетя Соня, вкусотища. Еще десяток с собой положите?

— Положу, положу. — Довольная комплиментом продавщица принялась с грохотом скидывать грязную посуду в старенькую жестяную раковину.

Наконец присела за стол, обтерла руки от муки и начала фасовать свои изделия в промасленные кульки, по ходу рассказывая о событиях утра:

— Я к пяти утра прихожу всегда, конкуренции меньше, а люди за ночь оголодали уже, свеженькое быстро разбирают. Считаю, к обеду я отстрелялась, можно тесто заводить на новую партию. Ну и сегодня припоздала, по переходу бегу с сумкой, а поезд уже к станции подходит. И тут кто-то крикнул, я по сторонам туда-сюда. Только увидела, как кто-то в кусты сиганул прямо на ходу. С нашей стороны, где дома.

— А кто был, мужчина или женщина? Успели рассмотреть?

— Кричала женщина, это точно. Тихонько так вскрикнула, я еще подумала, что, может, девчонку кто зажал. У нас ребята на поселке простые, могут и обидеть. Я хотела шугануть хулигана, да темно, ничего не видно. Он в кусты бросился.

— Почему думаете, что это все-таки мужчина был?

— Да так тяжело он лез, аж кусты трещали. Будто медведь через кусты ломится.

— А можете место указать, где это было? Или нарисовать, как дойти? — попросил опер.

Кулинарка махнула рукой в сторону окна:

— Чего там искать? Вот как через мост идешь в сторону вокзала по правой стороне, так сразу перед мостом он в кустах и пошумел. Увидишь, если по свету пойдешь. Там в крови снег перемазанный и ветки переломаны.

— В крови? Вы смогли рассмотреть кровь, когда на вокзал шли?

— Да нет, это уже обратно пошла через мостик, светло было, день. Глянула туда, а и присматриваться не надо, на снегу кровина тянется и кусты сикось-накось.

— То есть человек бежал со стороны вокзала через лесок в сторону домов, сюда?

— Да с какого вокзала, с поезда. Состав же шел в это время, через рельсы никак не перейти ему было, а поверху я на мосту была.

— Спасибо, тетя Соня. Помогли очень. Сколько с меня?

— Триста за все. — Женщина сложила в самодельный пакет десяток румяных пышных беляшей.

— Держите. — Гуров положил на стол пятисотенную купюру. — Сдачи не надо. Лучше завтра будете на вокзале, приберегите для меня еще партию свежачка. Уж очень вкусно готовите.

— А то. — Довольная выручкой, старушка благосклонно предложила: — Ты через улицу до переходника на вокзал не иди, тут через два дома тропинка будет между деревьев, по ней выйдешь почти к тому месту.

— Отлично, тут у вас все рядом. Удобно жить. — Лев Иванович вытер руки об ветхое полотенце и шагнул к двери из кухни.

Что-то грохнуло в коридоре за дверью, но старушка отмахнулась:

— Кот шмыгает, старый уже, а все в подполье скачет, мышей ловит. Весь в меня, мне ведь уже семьдесят, а все бегаю, торгую. Надо детям помогать...

— Крепкого вам здоровья, — напоследок пожелал Гуров, разомлевший от тепла и еды.

По дороге он шел и раздумывал, как же тяжело жителям крошечного поселка Туманный. Хватаются за любую воз-

возможность, чтобы заработать свои честные копейки. Даже пенсионеры не могут расслабиться и вынуждены поздно ложиться, вставать до рассвета. И так каждый день.

Через два дома он нашел протоптанную в сугробах тропинку, по которой пошел вперед. И тут же ускорил шаг — впереди кто-то поспешно убегал, попав в ловушку из сугробов. Его преследователь, видимо, стоял на этой тропинке и следил за московским опером, не догадываясь, что тот свернет с широкой укатанной дороги между домами в узкий проход, известный только местным. Наблюдатель все громче дышал впереди, все-таки попался в ловушку.

Лев Иванович перешел на бег, пружинисто прыгнул, но преследователь оказался низкорослым. Так что пальцы Гурова только зацепили и сорвали шерстяную шапочку с коротко стриженной головы. Маленькая фигурка кинулась бежать, застревая в сугробах, Лев Иванович рванул следом, но тут же почти по колено провалился в рыхлый снег. Темный силуэт юркнул между деревьев и растворился в темноте. Гуров попытался догнать его, но, более массивный и тяжелый, он увязал при каждом шаге в сыром снегу. Пройдя пару десятков метров, он понял бесполезность своей затеи, в сердцах выругался, сунул добычу в карман и вернулся на утоптанную тропинку. Кем бы ни был преследователь, он ретировался, испуганный тем, что его вычислили. И не просто убежал, а оставил вещественное доказательство — потертую трикотажную шапку.

Возле мостика Лев Иванович подсветил фонариком. Как и говорила пенсионерка, кусты в этом месте были сломаны и примяты на широком расстоянии друг от друга, тут явно пробирался человек весом не меньше девяносто килограммов. Он внимательно осмотрел местность: глубокие следы примерно 43—44-го размера; пятна крови, тянущиеся цепочкой в глубину кустов прямо по отпечаткам ног. Гуров не пошел сразу в темноту в кусты, куда тянулись следы. Он прошелся вдоль насыпи и нашел то, что искал. Вмятина в снежном покрове от падения большого тела, борозды по щебню, камешки в капельках засохшей крови. Опер представил, как в этом месте утром развивались события. Пока тетя Соня с